

Социологическая публицистика

© 2002 г.

Я.У. АСТАФЬЕВ

ЭКОНОМИКА ЛЮБВИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

АСТАФЬЕВ Янис Улдисович - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Наверное, многим доводилось читать примерно такое объявление: "привлекательная девушка пригласит к себе состоятельного мужчину" или слышать, что какая-то женщина обходитя своему кавалеру слишком дорого. Это так называемая экономика любви. А именно, та сфера взаимоотношения полов, где длительные или кратковременные сексуальные связи имеют некое стоимостное выражение: находиться рядом с любимым человеком означает чем-то платить за это. И чем сильнее твое чувство, тем больше от тебя может потребоваться.

Такие отношения могут быть исчерпывающе описаны с позиций экономической антропологии, где люди выглядят как сугубо рациональные существа, действующие целенаправленно и эффективно. Все отношения человека экономического с другими такими же субъектами можно свести к одной универсальной операции - к отношениям обмена. В ситуации обмена индивиды с предельной ясностью отдают себе отчет в том, что они хотят получить и по какой цене. Средства реализации индивидуальных интересов ограничиваются предприимчивостью и расчетом. В этом, собственно, и состоит уозьт данной антропологии, не позволяющей учитывать ни иных намерений, ни иных мотивов, ни другое состояние сознания, наконец.

Социологическая точка зрения - более емкая в сравнении с экономической: экономическое действие, отмечает Ю.А. Левада, является одним из вариантов действия социального [1, с. 66]. Отношения между субъектами могут быть отнюдь не эквивалентны. И сумма общественно значимых благ, получаемых одним, отнюдь не всегда равна той, что получает его партнер. Любящий человек может совершать безрассудные поступки, не думая при этом о взаимности. Для такого рода поведения уместно применить понятие "дар". Для всех добуржуазных обществ дарение является фундаментальным общественным институтом, пронизывающим все стороны жизни людей: ритуалам вручения подарков придавалось огромное значение, отсутствие даров, их недостаточность переживались как оскорбление, подарками скреплялся брак, образовывалось родство между племенами, родами, семьями. Они создавали духовную связь [2, с. 100].

Впрочем, поле взаимоотношений полов не исчерпывается оппозицией дар/обмен. В методологическом отношении своего рода исходными ориентирами являются культурные (нормативно-ценностные и символические) параметры [1, с. 89]. В нашем случае в роли такого параметра, контекста, выступит гендерное измерение, оппозиция маскулинности/феминности. Культурологически мужчина отличается от женщины как определенная смысловая константа. Мужское несет на себе шлейф смыслов устойчивого, твердого, энергичного, проникающего, жесткого. Мужчина - это отсутствие уюта, это всадник, мчащийся куда-то по дороге. Очевидно, что все эти культурные смыслы вычитываются из приписываемых мужчине эротических характеристик, из наличия у него полового члена и специфики занятия любовью.

Женщина же - нечто мягкое, обволакивающее, всегда уступающее мужскому напору, подчиняющееся. В противоположность мужчине, женщина оказывается источником уюта, обустройства жилья, приумножения хозяйства. Она все время "накапливает", собирает, в то время как мужчина преимущественно "использует", расточает.

Нет нужды говорить, что все эти характеристики находятся в соответствии с принятым маскулинным взглядом на вещи: с тем, что мужчине как культурной константе всегда якобы принадлежит первенство во взаимоотношениях с женщиной.

Если противопоставить "обмен" - "дару" и "маскулинное (использование)" "феминному (накопление)", то получится некое поле оппозиций с соответствующими доминантами. Взаимное отношение доминант позволяет выделить четыре типа "экономик любви" (рисунок). В рамках этих экономик исторически формировались соответствующие гендерные стереотипы.

Военная экономика

Постепенно в архаических обществах выделилась военная свита вождя, дружина. Воины, входящие в дружину, не пашут, не сеют, - они непрерывно совершенствуются в военных искусствах. Возникают новые ценности - война, военная доблесть, верность старшему, святость отношений "братьев по оружию", братьев по крови.

Что же касается любви, то она, как правило, воспринималась как нечто недостойное воина. Женщина с точки зрения военных в лучшем случае могла служить продолжению рода. Такое отношение к женщине сохранялось на протяжении тысячелетий. У Гоголя в повести "Тарас Бульба" мы находим примечательные слова, посвященные жене полковника Бульбы:

"В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, - и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжизненных рыцарей, на которых Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед ней, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими" [3, с. 53—54].

Однако ласки, оказываемые воинами женщинам, не сводились только к редким встречам с женой (если таковая была). В походах завоевателей доставались в виде добычи не только золото, серебро и оружие, но и жены побежденных. Так, хронисты указывали на "постыдное пристрастие" скандинавских берсерквор к оргиям [4, с. 114]. Победители любили плененных женщин с тем же чувством, с каким любят податливое, остывшее, недвижимое тело.

Хотя значимость отношений с представительницами другого пола в военных сообществах была ничтожно мала, сами женщины могли цениться очень высоко. Красивых полюнянок преподносили в дар наряду с оружием, коврами, драгоценностями. Этот дар, однако, не предназначался у воинов для накопления. Женщинами наслаждались, но

довольно короткое время. Затем они могли участвовать в процессе обмена и кочевать от одного хозяина к другому.

Экономика богатства

Когда жизнь начала стабилизироваться, и широко распространился оседлый, аграрный способ ведения хозяйства, военная экономика пришла в упадок, развиваясь исключительно в ситуациях конфликта, острого соприкосновения культур, цивилизаций, как это мы видели на примере запорожских казаков.

Отличительными чертами средневековья были замкнутость, ограниченность, как в пространственном отношении, так и с точки зрения ресурсов. Средневековая экономика была внутренне разобщена: самодостаточные хозяйственные мирки, как правило, небольшие, существовали среди пустынного пространства лесов и равнин [5, с. 16]. Оседая на земле, прикрепляясь к сеньору, военное сословие встает перед необходимостью самоидентификации, средством чего становится факт обладания богатством.

В европейской жизни обозначался новый исторический и юридический факт - привязанность бывшего варвара к своей земельной собственности. Узаконилось наследственное владение землей. Собственность стала продолжением независимости, богатство - квинт-эссенцией собственности.

Как отмечал Т. Веблен, появление собственности сопровождалось возникновением праздного класса [6, с. 73], класса нетрудящихся, показывающих и утверждающих свой высокий социальный статус, пребывая в демонстративной праздности и осуществляя показное потребление. Демонстративная праздность выражалась в отказе от всякой деятельности, кроме престижной, к которой относились военные походы и осуществление власти. Избыточное потребление выступало механизмом социальной сублимации. Воинская доблесть, сила и благородство являли себя в богатстве и расточительстве.

Происходит "постепенное учреждение новой аристократии", пишет французский историк Л. Февр, "которая получит собственный общественный статус, которая уже отличалась особым образом жизни, где не было места какому бы то ни было прямому участию в деятельности экономической (имеется в виду работа с целью заработка или барыша)" [7, с. 153].

Править владениями, сидя в замке, было невозможно, - необходимо было личное присутствие. Поэтому сеньор вместе со свитой находился в постоянных отлучках, разъездах. В его отсутствие за замком присматривает жена. Она является первым юридическим лицом в его местном владении, даже получает право приносить ленную присягу. Оставаясь наместником сеньора, она в полной мере осуществляет демонстративное потребление. Женщина благородного сословия должна воспитывать свой вкус, так как на нее ложится обязанность уметь отличать в потребляемых изделиях "высокое происхождение" от "низкого". Она становится знатоком яств, украшений и безделушек, танцев, песнопений и рыцарских, куртуазных романов, являясь непрременной участницей последних.

На авансцену взаимоотношений мужчины и женщины выходит новая тема - любовь к Прекрасной Даме. В XII веке во Францию — самую передовую в те времена страну - вместе с куртуазными романами приходит обожание женщины. Отныне истинный рыцарь должен не только сражаться, но и любить. Причем эта любовь была, как правило, взаимная. Но если мужчина совершал бесчестный поступок или не был достаточно доблестен, дама сердца могла отказать ему во взаимности и найти себе нового воздыхателя. И то, и другое означало преимущественное положение женщины в куртуазных взаимоотношениях.

Любовь рыцаря и дамы сердца отнюдь не была платонической. И, как правило, она вспыхивала между свободным мужчиной и замужней женщиной. Как считали современники, настоящей любви между супругами быть не может, ибо она требует тайны и поцелуев украдкой, ревности и постоянной тревоги о том, как бы не потерять возлюбленную. Получается, что "куртуазность" была не чем иным, как узаконенной неверностью, социально признанной и даже поощряемой бигамией [8, с. 91]. Подтверждением этого служит благосклонность средневекового общества к внебрачным детям. В одной из песен Марии Французской сын, узнав кто его настоящий отец, обещает матери умертвить ее супруга и соединить влюбленных.

Но были здесь и свои ограничения. Культ Дамы процветал, прежде всего, в самых крупных замках, а объектом поклонения становились наиболее знатные аристократки. Воздыхатели же, напротив, были, как правило, бедные странствующие рыцари-менестрели,

стремящиеся в стихах и песнях восхвалять хозяйку (муж которой обычно отсутствовал) в расчете если не на ее благосклонность, то хотя бы какую-нибудь службу при дворе или теплый прием и подарки перед дальнейшей дорогой.

Конечно, в это время процветали не только куртуазные нравы. Мужья занимались в отношении жен рукоприкладством, во время походов имели наложниц и насильничали. В средневековой культуре существовал двойной стандарт, где представители различных полов несли разную ответственность за одинаковые поступки. Несмотря на определенные настроения элиты, неверность жен все же осуждалась и жестоко наказывалась. Проверкой выступали божьи суды - ордалии. Так, Изольда должна была держать в руках раскаленный брусок железа, чтобы доказать отсутствие измены своему мужу, королю Марку. А Гиневру, жену короля Артура, намеревались сжечь на костре. Она должна была дать клятву, что никто из одиннадцати рыцарей, спящих в соседних покоях, не входил к ней ночью. Заметим, что в обоих случаях божий суд оказался неправым. Изольду держал в объятиях Тристан под видом нищего паломника, а к Гиневре приходил Ланселот - двенадцатый рыцарь, не предусмотренный в расчетах.

Куртуазная любовь, отношения рыцарей и дам сердца развивались в рамках "экономики дара". Женщины, будучи, как правило, выше своих воздыхателей по социальному положению, дарили им честь разделять их любовь и быть объектом прямых или косвенных упоминаний в песнях и славословиях. Мужчины приносили в дар свой талант слагателей песен и стихов, свою красоту, рыцарскую честь. Они широко участвовали в жизни "большой семьи" хозяйки и сами являлись ее непременным атрибутом — составляли свиту дамы, присутствовали на пирах, охотах, балах, принимали богатые подарки. В общем, являли собой все то, что называется демонстративной праздностью.

Таким образом, роль женщины в обществе (по крайней мере, в высшем сословии) действительно изменилась. Стало правилом ее более высокое положение по отношению к мужчинам, что наложило отпечаток на всю дальнейшую культуру взаимоотношений полов, причем в самом неожиданном ракурсе. Известно, что в средние века не делалось различий между богатством и красотой. Так, знатные дамы всегда воспринимались как красавицы, даже если внешне это было не так. Но бедным странствующим рыцарям было нечего предьявить, кроме физической силы, красоты и поэтического таланта. Отсюда, по всей видимости, пошел культ красоты как таковой, как средства, которое использует представитель более низкого сословия для завоевания более высокого статуса. Интересно, что в борьбе за роль фаворита храбрые и мужественные рыцари демонстрировали богатую эмоциональную жизнь. Они высыхали от тоски, лишались чувств, сходили с ума, легко заливались слезами, могли даже умереть от любви. В дальнейшем, в эпоху господства буржуазии, такое поведение приписывалось исключительно женщинам. Для них механизм демонстрации богатой эмоциональной жизни стал практически единственным узаконенным способом социального продвижения наверх.

Буржуазная экономика

На место феодальной аристократии пришла буржуазия. Она принесла с собой новый взгляд на общество, на производство и потребление. В качестве этических норм буржуа демонстрировали чуждые рыцарству качества - трудолюбие и бережливость. Новые взгляды на труд и накопление утвердились в Европе с приходом на историческую сцену пуритан. Связь религиозно-этических представлений этого направления протестантизма с развитием капитализма впервые обнаружил и описал М. Вебер. Для обретения уверенности в религиозном спасении каждый истинный пуританин должен был ежедневно подсчитывать свои доходы и убытки. Извлечение дохода и, следовательно, обогащение становится не столько целью, сколько миссией. Наслаждаться жизнью нельзя, поскольку это может стать причиной убытков. Следовательно, необходимы инвестиции: в торговлю, в ростовщичество, в производство. Отсюда, фундаментальной ценностью становится не накопление само по себе, не богатство, а постоянное использование накопленного с целью обеспечения поступательного роста производства, увеличения торгового баланса, увеличения кредита. В то же время это сугубо индивидуальная предприимчивость, когда каждый сам за себя: совместное спасение бессмысленно, а полагаться на другого, доверять ему - глупо и безрассудно [9, с. 144].

Сформировавшаяся на таком этическом основании экономика оказывается всеобъемлющей: уже не разделяются труд, торговля и повседневная жизнь. Одно плавно перетекает

в другое. Как отмечал Э. Фромм, "человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром. Рабочий продает свою физическую энергию; предприниматель, врач, наемный служащий продают свою "личность". Они должны иметь эту "личность", если хотят продать свои товары или услуги; эта "личность" должна быть привлекательной, а, кроме того, ее обладатель должен соответствовать целому ряду других требований: например, он должен быть энергичен, инициативен и т.д., и т.д. - в соответствии с ситуацией" [10, с. 107]. Таким образом, личное обаяние, чувство собственного достоинства, образованность, воспитанность, порядочность, красота - все эти "свойства" оказываются лишь отражением того, что думают о человеке другие. У самого индивида нет никакой уверенности в их ценности, если она не подкреплена рыночным успехом.

Все эти особенности восприятия мира нашли выражение и в отношении к женщинам. Конечно, ни о какой любви, отвлекающей от профессиональной деятельности, не может быть и речи. Все измеряется полезностью: жениться можно лишь в том возрасте, когда человек уже приобрел состояние и может позволить себе роскошь содержать семью; при выборе невесты он должен руководствоваться не чувствами, а трезво оценивать ситуацию. Так, один из персонажей баптиста Д. Дефо говорит, что "беря в жены дочь, мы женимся на хорошем или плохом состоянии дел ее дома, а тут нужно хорошенько подумать" [цит. по 8, с. 316].

Мужья-пуритане методично подсчитывают, во сколько им обходится содержание семьи. Суммируются расходы на еду, на платье домочадцев, необходимость содержать дом, в котором могли бы разместиться жена, дети, прислуга.

Калькуляции подвергаются и сексуальные отношения с супругой, количество и интенсивность которых определяются полезностью. Всякие излишества расцениваются как расточительство. В буржуазном обществе замужняя женщина значительно проигрывает в статусе по сравнению с тем положением, которое она имела в "экономике богатства", ибо лишена всяческих прав — и социальных, и хозяйственно-финансовых. Вступая в брак, она передает свое имущество в полное распоряжение мужа. Женщина даже лишается своей фамилии, чего не было у средневековой знати.

В любовных отношениях женщина оказывается тем же, чем и любой субъект на рынке услуг буржуазной экономики - товаром. Она лишь предмет, который можно использовать с определенной целью, и эти цели могут быть методично перечислены в брачном договоре или обсуждены при назначении "содержания". Но она же вещь, обладающая конкретной ценой, к тому же нуждающаяся в постоянных расходах. Немудрено, что многие буржуа предпочитали всю жизнь оставаться холостяками и не иметь постоянных "содержанок", что весьма хорошо отзывалось на их бюджете. Свою же потребность в сексе они могли удовлетворять с помощью разовых услуг продажных женщин. Соответственно, расцвет капитализма в Европе совпал с расцветом публичных домов и проституции.

В качестве характеристики буржуазного отношения к женщине уместно вспомнить одного из персонажей "Похождений бравого солдата Швейка" Я. Гашека, некоего пана Фаустина, который был сводником с совершенно пуританским складом ума: "У него была своя такса: голубые глаза - десять крейцеров, черные - пятнадцать крейцеров. Он подсчитывал все до мелочей на листке бумаги и подавал посетителю как счет" [И, с. 688].

В буржуазной экономике любая женщина является по сути дела проституткой, поскольку располагает товаром, который имеет свою цену. Так, на брачном рынке значение имели красота и девственность будущей супруги, умение вести хозяйство, хорошие манеры, легкий характер и т.п. Также широко было распространено "содержание". Незамужние женщины, не имевшие, как правило, ничего, кроме сексуальной привлекательности, шли на обеспечение к богатому мужчине, часто имевшему семью, ради получения денег, лишаясь возможности иметь "доброе имя". Красивые и сексуально активные женщины могли добиться больших высот, становясь фаворитками известных политических деятелей, финансистов, воротил, промышленников. Но и у "содержанок" были свои градации. Буржуазная литература оставила нам многочисленные примеры взаимоотношений офицеров и танцовщиц, мелких рантье и модисток, студентов и белошвеек. Каждой ступени социальной лестницы соответствовали свои суммы, уплачиваемые за одинаковые услуги. Собственно, эта градация и породила известную поговорку: "В Париже есть непродажные женщины, но они очень дорого стоят".

Экономика потребления

Эпоха господства классического капитализма закончилась вместе с приходом великой депрессии 20-х годов, утверждением фашизма в Европе и социализма в России. Кардинальные социальные трансформации блестяще охарактеризовал В. Набоков в романе "Приглашение на казнь": "с течением времени безопасных мест становилось все меньше, всюду проникало ласковое солнце публичных забот" [12, с. 211]. Социологический феномен был описан Х. Ортега-и-Гассетом как движение от сословной, профессиональной, религиозной и прочей замкнутости в сторону массовости: всюду господствуют массы и осознание принадлежности к ним. "Масса - всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, "как и все", и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью" [13, с. 310]. За двенадцать веков европейской истории, с VI по XIX в. население континента ни разу не превысило 180 млн. А за столетие с небольшим - с 1800 по 1914 г. оно достигло 460 млн. человек [13, с. 313]. Возникли не массы людей как таковые, но массовое общество. Практически во всех европейских странах, и в России в том числе, в конце XIX и начале XX в. вводится всеобщее начальное образование. Это сопровождается ростом промышленного производства, увеличением покупательной способности населения и потребления новых изделий и продуктов. Наконец, миллионы людей в массовом порядке переезжают в большие города, где совершенно иное социальное пространство, где не применимы прежние, деревенские и слободские навыки общения, и где их приходится осваивать заново. Все это способствовало тому, что на всех уровнях возникло ощущение единого общества.

Данную ситуацию тонко проанализировал Г. Маркузе: «Аппарат производства и производимые им товары и услуги "продают" или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей, доставляя им тем самым большее или меньшее удовольствие, к производителям и через этих последних - к целому» [14, с. 16].

В таких условиях человек ищет средства самоидентификации, которые и предоставило ему общество массового потребления. Сам термин появился во второй половине 1940-х - начале 1950-х гг. и был тесно связан с распространением неокейнсианской "экономики потребления" с ее упором на проблему спроса, а также теории и практики "социального государства". "Общество массового потребления" тотально, поскольку затрагивает буквально все сферы жизни человека. Ибо существовать означает лишь одно — потреблять. Поэтому наиболее адекватными коммуникативными средствами становятся телевидение и реклама.

Взаимодействуя с партнером, человек с необходимостью потребляет его. И это может вызывать конфликты, непонимание, отторжение. Поэтому наилучшим вариантом сексуального общения в "экономике потребления" является общение с самим собой, точнее, с обществом в лице alter ego. Потребляя в себе общество, отождествляясь с ним, человек идет по пути стирания в себе половых различий специфическим образом. Возникает явление андрогинии - примирения, слияния полов. Известный австрийский исследователь, создатель теории бисексуальности О. Вейнингер утверждал в начале века: "Дифференциация полов, разделение их никогда не бывает совершенно законченным. Все особенности мужского пола можно найти, хотя бы и в самом слабом развитии, и у женского пола" [15, с. 7]. Современный немецкий философ П. Козловски отмечает: "Идея андрогинии, примирения половой противоположности становится сегодня приемлемой, убедительной, и в состоянии увести от фронтального противостояния преобладающе женской и преобладающе мужской культуры" [16, с. 101]. Поэтому в современной культуре столь существенную роль начинают играть те сексуальные практики, которые ранее находились на ее периферии, а нередко и запрещались - гомосексуализм, лесбийская любовь, оральный секс, мастурбация. В них находит выражение отмеченное нами стремление сексуально взаимодействовать со своим "другим я". Характерным примером этого выступают лесбийские эротические переживания героини повести О. Забужко "Девочки": "Такая же, как ты, но другая, вот что такое сестра, вот что я сейчас сжимаю в объятиях, крепко, так крепко, что крепче не бывает, — чтоб уж никогда не отпускать" [17, с. 165]. В этом переживании партнерша-одноклассница названа "сестрой" как наиболее близким в статусном и природном отношении субъектом. И она же противопоставляется "мужчинам" с "их неразрывимой, как стена, плотью" [17, с. 163]: вполне прозрачная метафора "чужого".

Естественно, здесь оказываются неприемлемы традиционные ролевые противопоставления и конфликты. В гетеросексуальных взаимодействиях акцентируются практики, лишенные половой принадлежности. В этом отношении характерно высказывание современного российского писателя Ильи Стороффа, сделанное в аннотации к роману "Мачо не плачут": слоган "Секс - Драге - Рок-н-Ролл" сдох еще до того, как мой папа узнал, какого цвета у мамы трусы. Сегодняшним девизом должно быть что-то вроде "Деньги - Радио - Оральный Секс"... [18].

Таким образом, в "экономике потребления" фундаментально утрачивается интерес к противоположному полу, как к чему-то скрытому и запретному. В конечном счете, это ведет к "смерти пола", исчезновению самой тематики противостояния женского и мужского.

Любовь как экономическая категория

Представленный нами обзор взаимоотношений мужчин и женщин схематичен и далеко не полон. Мы касались лишь "экономик любви" и гендерных стереотипов представителей вполне определенных (господствующих, доминирующих) групп. Но их воздействие на современное им общество было весьма велико, так как, пишет Э. Фромм, "властвующие группы обладают таким престижем, что низшие классы более чем готовы принять их ценности, подражать им, психологически отождествлять себя с ними" [10, с. 101]. В то же время, в любой эпохе, очевидно, присутствуют элементы экономик и гендерные стереотипы предшествовавших времен, поскольку ни одна группа не может полностью контролировать культуру общества. Она лишь задает некие общие ориентиры, базовые ценности и вектор изменения общественной морали.

В современном обществе широко представлены гендерные стереотипы самых различных экономик любви. Очевидно, что ценности воинской доблести, силы, воли, мужества широко представлены в армейских подразделениях, пенитенциарных учреждениях, уголовных сообществах и подростковых полубандитских "стаях". "Любовь" здесь происходит между победителем и побежденным, между обладающим всей полнотой власти и лишенным ее. Сексуальная услуга носит явный насильственный характер, причем насилие заменяет наслаждение. Поэтому так распространены в подобных социальных группах извращенный секс с нанесением физических повреждений и увечий.

С представлением мужчины как насильника, а женщины как его жертвы, связаны многие рудиментарные гендерные стереотипы. Например, мнение о том, что мужчина всегда должен "добиваться" женщины, а та - лишь "откликаться" на его призыв, да и то не сразу. Или о том, что в соитии представитель "сильного" пола всегда должен занимать позицию "сзади" или "сверху". И что мужчина всегда больше женщины, массивнее, и что она должна себя чувствовать в браке, "как за каменной стеной".

Присутствуют в нашем обществе и стереотипы "экономики богатства". Куртуазная любовь широко обыгрывается при ухаживании, когда мужчина дарит цветы и богатые подарки, приглашает в ресторан, сочиняет стихи и посвящения. При этом мужчина выступает как проситель, его подарки не должны ни к чему обязывать женщину, они - лишь дань ее красоте, совершенству, благородству, изяществу, свежести, молодости и пр. Но, следует подчеркнуть, эти отношения весьма ситуативны. Подарки и цветы могут сразу же закончиться после заключения брака. Нередки случаи, когда мужчина, не получив адекватного отклика на свои ухаживания, прибегает к насилию, то есть вступает в область военной экономики.

Самыми распространенными сегодня являются отношения буржуазного типа. Они реализуются там, где идет пересчет жизни на деньги, когда на передний план выступают представления, что все имеют свою цену и все можно купить. Но буржуазная любовь не означает проституцию в узком смысле. Сюда относятся и все те случаи, когда женщина расплачивается своим телом за возможность жить в чьем-то доме, под чьей-либо опекой, и приглашения в ресторан, и подарки, предусматривающие ответную реакцию в виде сексуальных услуг.

Сегодня проституция весьма дифференцирована, что свидетельствует о том, что она превратилась в своеобразную, довольно разветвленную экономическую отрасль. Проститутки различаются по месту работы ("вокзальные", "уличные", "гостиничные" и т.п.), по оплате, которая разнится на порядки (цена свидетельствует не столько о красоте и изысканности товара, сколько об отсутствии последствий продажной любви), по степени организованности бизнеса (наличие или отсутствию сутенера, постоянной оргструктуры,

места занятия любовью и т.д.), наконец, и по возрасту (от школьниц до особ преклонного возраста). Кроме того, имеется достаточное количество довольно состоятельных женщин, главным образом в возрасте 17-25 лет, зарабатывающих любовью в свободное от основной работы время, и делающих это от случая к случаю. Наличие таких особ свидетельствует о достаточно высокой степени распространенности буржуазных отношений в среде представителей среднего класса.

Что же касается любовных взаимоотношений "экономики потребления", то их у нас сегодня, думается, не так уж много. Настроения массового общества разделяет главным образом молодежь, причем крупных городов. Это та группа, которая наиболее активно реагирует на телевидение и рекламу - основных проводников массовости. Кроме того, потребительские гендерные стереотипы представлены, главным образом, в среде элиты. И пока наше общество полностью не станет на рельсы "экономики потребления", будет господствовать мужская культурная доминанта с ее упором на "желание" и "использование". И в отношениях мужчин и женщин будет утверждаться либо ее "мягкий" вариант, где присутствует своего рода общественный договор между хозяином и проституткой, либо "жесткий", где без всяких договоров и обменов имеет место сексуальная власть "наильника" над "жертвой", над "трупом".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левада Ю.А.* Статьи по социологии. М., 1993.
2. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. Т. 2. М., 1959.
4. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
5. *Лебек С.* Происхождение франков. V—IX века. М., 1993.
6. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
7. *ФеврЛ.* Бои за историю. М, 1991.
8. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М., 1987.
9. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
10. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М, 1990.
11. *Гашек Я.* Похождение бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., 1956.
12. *Набоков В.В.* Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. М, 1989.
13. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
14. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
15. *Вейнингер О.* Пол и характер: Мужчина и женщина в мире страстей и эротике. М., 1991.
16. *Козловец П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. М., 1997.
17. *Забужко О.* Полевые исследования украинского секса. М., 2001.
18. *Стоготта И.* Мачо не плачут.